

The background of the entire page is an abstract composition of flowing, wavy, ribbon-like shapes in various shades of red and pink. The colors transition from a pale, almost white pink at the top to a deep, vibrant red at the bottom. The shapes overlap and curve, creating a sense of movement and depth. The overall effect is soft and ethereal.

Александр Зубков

РАССКАЗЫ

Александр Зубков

РАССКАЗЫ

<https://litres.ru/73231576>

SelfPub; 2026

Аннотация

Большинство рассказов имеет аллегорическое содержание. Поэтому читать их надо в этом ключе.

Содержание

Глава	4
В МИРЕ ЖИВОТНЫХ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

РАССКАЗЫ

Глава

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Не знаю, зачем я вернулся. Мне было неплохо и там, где я был до этого. Но уже за много дней до решающего мгновения я понимал, что никуда не денусь и в назначенный час отправлюсь в путь. Неизбежность этого иногда пугала меня и заставляла в слепой ярости сжимать зубы. Иногда я храбрился – говорил себе, что я свободный человек и вполне могу остаться. Но даже тогда я чувствовал, что моё напускное бахвальство не стоит ломаного гроша.

Если меня спросят о причинах моего решения, ничего вразумительного я не отвечу. Причины эти лежат вне сферы слов. А в последнее время я, кроме того, ясно чувствую, как я уже сказал, предопределённость всего, что вершится на этом свете.

Скорее всего, это был сон. Да, именно так. И ведь не зря я употребил слово «вернуться». В сущности, я животное, зверек. И потому неудивительно, что вопреки здравому смыслу я двинулся в путь. А удерживало меня лишь одно человеческое свойство – инертность или консервативность. Человек, как известно, ко всему привыкает и очень неохотно и боязливо рвёт с прежним образом жизни. Что ж, убеждал я себя, привыкну и здесь. Так и случилось.

Это не произошло, конечно, легко и сразу. Первоначально

меня одолевало гнетущее чувство растерянности и страха. Зачем я вернулся? – снова вопрошал я себя. Ведь однажды уже был исход – и неизбежный, как всегда – из этого мира. Стоит ли после этого вступать на прежний путь? И опять я принимал нелепую позу свободного духа и начинал даже вертеть в руках компас, как бы собираясь убраться восвояси. Когда компас разбился, я вздохнул и произнес перед собой какуюто сумбурную речь – не помню точно её содержания. Через два дня я с содроганием понял, что есть еще звёзды, и мой душевный покой на короткое время снова был нарушен. Ах, право, зачем на свете так много призрачных вещей, вуалирующих фаталистичность всего земного в ненужные и развращающие символы? Слава Богу, что со временем человек начинает относиться иронически к этим покровам. И теперь я со смехом взираю на глупую Полярную звезду, которая уже не пробуждает во мне никаких желаний.

Я благодарен Еноту, который первым встретил меня. Поначалу мы плохо понимали друг друга. Наверное, это оттого, что мы шли разными путями во время моего отсутствия. Он изменился, шерсть на груди стала иного оттенка, иной стала форма зубов, ушей. Да и я, наверное, претерпел какие-то необратимые метаморфозы. Каждый из нас, понятное дело, гордился своей новой сущностью, полагая её чемто существенным и единственно верным. И когда прошли первые деликатные чувства встречи, мы почти только тем и занимались, что подтрунивали друг над другом, а иногда дело до-

ходило и до почти злобных стычек. А ведь мы были с ним посвоему мудры и понимали нелепость всего этого. Однако же проклятый бес нетерпимости поминутно искушал нас.

Вторым сильным ощущением были проснувшиеся воспоминания. Когда серп луны медленно проходил свой путь между кронами деревьев, в туманных сумерках зазывали подруг соловьи, а ранним утром трава была в прохладных каплях росы и птицы подымали гвалт, приветствуя восходящее солнце я с изумлением говорил – Господи, ведь было так! – и эти нелепые тривиальные слова пробуждали в моей душе чувство щемящей тоски, от которой негде было укрыться. Впрочем, и это переживание, как и все сильные чувства, было непродолжительным. Вскоре я, как ни пытался, не мог уже понять, что же заставляло меня со слезами на глазах провозжать взглядом крадущийся в небе месяц.

Итак – свершилось. Я вернулся, и пути назад, по-видимому, нет. Да и сколько же можно метаться? Высочайшая мудрость жизни – найти свой маленький уголок и тихо и спокойно встречать каждодневно светило, с благодарностью принимать отпущенные тебе провидением радости, переносить выпавшие на долю беды, состариться в этом уголке и тихо уйти под выдержанные и умеренные соболезнования нескольких близких существ.

Случилось так, что судьба свела меня с термитами. Я не роптал на неё. Термиты, так термиты, сказал я, и почувствовал даже что-то вроде гордости за своё спокойное от-

ношение к происходящему. Термиты, конечно, имеют много недостатков – за всё время я не слышал ни одного слова из уст термитов, они объясняются мимикой и жестами. Научиться понимать их не так просто, путь к пониманию всегда труден, но это возможно, я убедился на собственном опыте. Можно даже найти величайшие достоинства и свои несомненные ценности в этом способе общения, увидеть подлинное величие в отличной от нашей морали, и желать слиться с их обществом. Конечно, вполне это невозможно, ты всегда будешь несколько чужим, иногда сфальшивишь в их стройном хоре. Не надо изображать из себя стопроцентного термита – всётаки ты не совсем термит. Ты просто существо, уважающее и в пределах своих возможностей понимающее их, и на этом основании ожидать соответственного отношения к себе.

Иногда их поступки вызывают нечто вроде чувства недоумения. Один из них залез мне в ухо и вылез через нос, видимо проделав в моем мозгу ход. Я ничего ему не сказал, я замкнулся в собственной обиде и это было в общемто неумно. Сейчас я думаю, что надо было объяснить ему напрямик, что своим поступком он, пожалуй, причинил мне вред. Я уверен, что он понял бы меня и сердечно извинился, пообещав впредь никогда не повторять подобного. Пожалуй, мы бы стали даже лучше относиться друг к другу. Но он пошёл своей дорогой, волоча подхваченную волосинку из моего носа, а я только с молчаливым укором глядел ему вслед.

Кто знает, может быть и я, сам того не желая, обижаю их. Ведь достаточно мне двинуться, и это может стоить и жизни любому из них.

Они соорудили на моем животе свой термитник. Постепенно он разросся и поглотил мои ноги. Я попросил на летнее время оставить голову на воздухе, так что имею возможность ежедневно любоваться живописными окрестностями и вечно меняющимися картинами в небе. От меня им нужно только одно – мое тепло, я так предполагаю. Этого, конечно, нельзя утверждать со всей определенностью, я не вижу, что происходит внутри, да я и не слишком задаюсь подобным вопросом. Я полез в их общество, и они платят мне тем, что кормят и поят меня. В науке это называется симбиоз или хозрасчёт. Грубые слова. Я бы назвал это союзом или содружеством. Что касается симбиоза, то я, честное слово, был бы несчастен, если бы мой хлеб мне доставался даром.

Иногда меня навещает Енот. Он приносит мне каких-нибудь лакомств, но чаще всего это лакомства на его взгляд. В свою очередь я предлагаю ему часть своих блюд, и тоже довольно часто невпопад. Из деликатности и скрытности мы не подаём виду, что ожидали другого и втайне жалеем извращённые вкусы друг друга. Но, по-видимому, есть много хорошего и в таком общении, и нет-нет, да и вспыхнет искорка настоящего дружеского чувства, и мы в молчании следим за неровным полётом бабочки или величавым шествием наземных жуков.

Я наблюдаю жизнь зверей во всей её первозданной непосредственности. У них свои радости и несчастья, любовь и голод, победы и поражения. Не далее, как вчера старая гадюка поведала мне о своей несчастной любви. Не буду занимать ваше внимание подробностями этой трогательной истории, скажу только, что я был растроган до слёз чистотой проявленных этим животным чувств и мудростью, с которой оно отнеслось к печальному исходу своей страсти. Я говорю – гадюка, она, на самом деле это был самец, мужчина, ибо только мужчина, по-моему, может чувствовать столь сильно и возвышено, в то время как женщина в любви – либо раба, либо злодейка, либо изменница. Видимо, отлично понимал это и сей достойный представитель пресмыкающихся, иначе я не могу истолковать то грустное дрожание его раздвоенного языка, когда он, израненный в боях, которыми изобиловала его нелегкая жизнь, медленно уполз на север, надеясь найти смерть во льдах и холодном мраке.

Я столь долгое время нахожусь уже здесь, что меня не удивляет храбрость зайцев и изящество медведей, благородство червей и добродушие лис, тонкий ум куропаток и добрый юмор диких свиней. От дождей и солнца кожа моя огрубела, и я думаю, что к следующему лету лицо моё покроется шерстью. Я нашёл свой уголок и как нелепый сон вспоминаю кишашие людьми города.

Сегодня в размеренное течение моей жизни ворвалось одно событие, которое я сам пока еще не могу истолковать.

Я увидел девушку, она шла по траве босыми ногами и держала в руках утюг. Девушка эта была само совершенство, я не возьмусь описать обыкновенными человеческими словами её лицо и фигуру. Тем более глупой была бы попытка по-добрать определение тому, что светилось в её глазах. Только Всевышний языком плоти и духа мог свой недоступные нам идеи, создав это прекрасное существо. И только истинному художнику дано приблизиться к этой тайне и чуду – приблизиться, но не постигнуть.

Вывернув голову так, что заболела шея, я провожал её взглядом. Она прошла совсем рядом, и я, глупое и ничтожное создание, облепленное термитами, с мозгом, вытекающим из отверстия в носу, не смог удержаться и заговорил с ней.

– Девушка, – хрипло и торопливо проговорил я, – где вы достали утюг? Не могли бы дать мне его на время?

Она с улыбкой протянула мне этот утюг, и так руки у меня в термитнике, я схватил его ручку зубами. Она пошла своей неведомой дорогой, а я с утюгом в зубах застонал от горя. Я выпустил утюг и обжегся, потому что он был горячий.

– Девушка! – крикнул я. – Когда же я верну вам утюг? Но она с улыбкой погрозила мне пальцем, и сказала: – Мне не нужен утюг, – и продолжила свой путь, и вскоре исчезла.

Если очень сильно вывернуть шею, то краем глаза я могу заметить блеск утюга, откатившегося в сторону. Сейчас ве-

чер, и шея у меня очень болит, но я снова и снова со стоном поворачиваю голову.

Что будет завтра? О том знает только Господь Бог.

В КОЛОДЦЕ

Я неудачник. Иногда мне кажется, что высшие силы избрали меня объектом для своих экспериментов. Конечно, это чушь. Есть лишь *Его Величество Случай*. Человек в поте лица добывает хлеб, строит свою маленькую вселенную, вдруг нелепая случайность обрывает эту нехитрую мелодию, ставя всё вверх ногами. Такие трагедии происходят сплошь и рядом и наводят посторонних на непродолжительные философские размышления. Лучше всего ограничиться просто вздохом. Не так уж нам много дел до чужих горестей. Когда же стрела случая настигнет нас, не следует ожидать чего-то сверхъестественного от других. Надо преодолеть первый период, когда дух скрутился в лист Мебиуса, заиклился в петле обратной связи и мучит сам себя бесконечной цепью одних и тех же вопросов, не в силах по своей линейной природе иным образом встретить нелинейное событие, каковым является случай. Затем надо попытаться перестроить жизнь на новых основаниях.

В тот вечер я прогуливался по улицам города. Мы живём не в Америке, и по вечерам даже в городе можно подышать относительно свежим воздухом. Отчасти я и сам виноват в том, что случилось. Я не слишком внимательно смот-

рел себе под ноги, полагая (и ведь с достаточной степенью достоверности именно так и было), что под ногами у меня надёжный асфальт тротуара. Темнело, в домах зажигались окна, по улицам с шуршанием пробирались редкие машины, прохожие спешили успеть в магазин или в кино. Я погрузился в расслабленное мечтательное созерцание, в сознание воцарилась блаженная пустота.

Я проводил взглядом хорошенькую женщину, ни с того ни с сего улыбнувшуюся мне, и в следующий миг я упал в колодец.

Я думаю, что это один из самых странных колодцев, какие только есть на белом свете. Стены его скользкие и гладкие, вода, наверное, уже миллион лет как испортилась. На дне его водятся пиявки и ещё Бог весть какие твари, предназначение которых – высасывать кровь из живых существ. Впрочем, ведь могло быть и хуже. Если бы воды здесь было чуть побольше, я бы попросту утонул, а так я стою, и из воды высываются мои плечи. Хуже всего то, что внизу скопилось много вязкого ила, так что я в полном смысле слова, влип.

Что ж, я отдал дань обычным в такого рода случаям порочным философским размышлениям, с неподдельным пафосом взывая к Богу ответить, за что, собственно, он подверг меня такому наказанию. Мне очень хотелось найти ту логическую цепь событий, из которой вытекало моё настоящее положение, но все мои конструкции носили над-материальный мистический характер, и потому, как истый вуль-

гарный материалист, без сожаления отмёл их. Я пришёл к заключению, что это и есть просто случай, и конечно ещё долго метался в чёрном скрежете обиды и чувства несправедливости.

Изголодавшиеся пиявки поначалу причиняли мне великие страдания. Но, насытившись, они умерили свой пыл, и теперь лишь иногда лениво посасывают моё изъеденное тело. К смраду же человек очень легко привыкает. Тем не менее положение моё заставляло искать какого-то выхода. Своими силами я не имел ни малейшей надежды выбраться отсюда. Мне оставалось надеяться на постороннюю помощь. В колодец часто заглядывали прохожие. Одного из них я окликнул. Это оказался на редкость вежливый и приятный человек.

–Доброе утро, – приветствовал он меня, ибо было уже утро.

–Доброе утро, – ответил я. – Извините меня за то, что отнимаю у вас время. Понимаете, я упал в колодец и желал бы выбраться отсюда.

–Понимаю, – сказал он сочувственно и покраснел. Я тоже покраснел. Всё-таки попасть в колодец – довольно мерзкая и стыдная штука, и я подумал, что может быть зря поведал об этом первому встречному. Он может подумать Бог весть что – например, что я напился вдрызг пьян и попал сюда исключительно в результате этого, то есть мне воздано по заслугам. Или что я якшался с дурной компанией, которая обошлась

со мной так нехорошо.

– Чем же я могу помочь вам? – наконец любезно осведомился он. – Мне до вас не достать.

– Если бы вы встретили где-нибудь человека с верёвкой, то не могли бы ли вы попросить его прийти мне на помощь?

– Да, верно, – хлопнул он себя по голове. – Знаете что? Я, пожалуй, сам найду сейчас веревку и вызволю вас.

– Я не знаю, как мне вас благодарить, – растрогано сказал я.

Он довольно скоро вернулся с дворником и верёвкой. Дворник беспрестанно ворчал, что если разные тут попадают в колодцы, так пусть и вылезают сами, а нечего будить людей спозаранку, да ещё требовать казённую верёвку. Особенно он напирал на факт казённости верёвки.

– Дворник не совсем общительный попался, – смущенно сказал мой благородный избавитель.

– Да, – сказал я.

– Держите верёвку, – сказал он.

Я поймал конец верёвки, и он принялся тащить меня наверх. Не тут-то было. По-видимому, ноги мои очень прочно засели в иле. После нескольких рывков верёвка ослабла.

– Ничего не получается, – сообщил он. И обратился к дворнику. – Помогите мне.

– Руки у меня не казённые, – мрачно ответил дворник.

Я почёл необходимым обратиться к нему со следующими словами:

–Послушайте, товарищ. Я очень уважаю те тонкие различия, которые вы делаете между казённым и неказённым. Я вижу, что вы умный и достойным человек, пекущийся более всего о справедливости, и поэтому считаю своим долгом компенсировать эксплуатацию казённой верёвки и ваших неказённых рук.

Я бросил ему рубль, и он принял деятельное участие в моём избавлении. Дворник действительно был достоин высочайшего уважения. Такая непосредственность в проявлении истинных свойств человеческой природы кажется мне очень мудрой. Дворники вообще чрезвычайно мудрый народ. Мне даже кажется, что это какая-то новая раса, развивающаяся и растущая в лоне человечества, вырабатывающая ясную и чистую мораль, не замутненную различного рода псевдоморальными примесями. Если бы у меня был миллион рублей, я бы позвал миллион дворников, и они бы приложили всю свою энергию к делу, которое, в этом случае, имело бы несомненно благоприятный исход.

Но одного дворника и одного благородного чудака оказалось мало. Я не сдвинулся с места.

–Бесполезно, – констатировал прохожий. Помолчав, он добавил: – Я опаздываю на работу.

–Ради Бога, идите, – попросил я. – Я и так уже отнял у вас уйму времени.

–А как же вы? – неуверенно произнёс он.

–О, не стоит беспокоиться, я что-нибудь придумаю.

–Только, пожалуйста, не оттягивайте дело. Раз уж вы попали в колодец, то надо без всяких ложных сомнений и стыда звать на помощь. Со всяким может случиться. Главное – не оттягивать. Этот ил засасывает всё глубже и прочнее. Если хотите, то, придя на работу, я позвоню и вызову автокран.

Я слегка испугался. Дело дошло уже до автокрана. Я вообще не люблю привлекать к себе внимание и поэтому одеваюсь в неприметный серый костюм и серую шляпу. Мысль, что на глазах у всей улицы меня будут вытаскивать автокраном, произвела на меня болезненное впечатление. Но что же было делать?

–Пожалуй, ничего другого не остаётся, – сказал я. – Большое вам спасибо, и извините ещё раз за беспокойство.

–Не стоит благодарностей. Мне действительно надо спешить, – он развёл руками. – Желаю вам всего доброго. Не унывайте.

И он ушёл. Дворник давно уже исчез, не тратя лишних слов на живописание очевидных фактов. Сердце моё пронзила острая зависть. Насколько я мог понять по тому клочку неба, которое открывалось мне в проёме колодца, погода на улице была чудесной. Люди, по-видимому, наслаждались свежим воздухом и золотистым утренним солнцем. Я подумал, что мой прохожий всё-таки ещё успеет остановиться у бочки и выпить кружку пива.

Потом он придёт на работу, сядет за свои бумаги и подремлет немного в кресле. Что касается дворника, тот, на-

до думать, тоже сумеет распорядиться честно заработанным рублем.

Чувство отрезанности от всего земного свинцовой тенью легло мне на сердце.

Пиявки снова подступились, и мне не оставалось ничего другого, как молча переносить боль. Я ничего не мог с ними поделать. Если я начинал двигаться, пытаюсь сбросить их, то чувствовал, что погружаюсь в ил ещё глубже. В мутной воде я различал ещё какие-то существа неопределённой формы. Они, кажется, разглядывали меня своими фосфоресцирующими глазками, но пока не приближались. Вид их вызывал омерзение, самым же страшным было то, что я не знал, чего можно от них ожидать.

Всё это было слишком сильным испытанием для обыкновенного человека. Я заплакал, как ребёнок. Я вспоминал вчерашний вечер с болью и тоской. Как было всё прекрасно! О, если бы я пошёл другой улицей, ничего бы этого не было. А можно было даже совсем не выходить на прогулку, я превосходно провёл бы вечер дома за чтением Шекспира и рюмкой коньяку. И то, что я вышел из дому и бесцельно разгуливая по городу, попал точнёхонько в этот колодец, застыл в моём мозгу как чужеродный предмет, вокруг которого образуется воспаление неприятия.

Надо было чем-то заняться, чтобы отвлечься тягостных мыслей. Я написал письма немногочисленным родственникам и двум-трём друзьям, в которых сообщал что у меня всё

в порядке. А мне так хотелось излить кому-нибудь душу, поведать о несчастье, которое обрушилось на меня. Но имел ли я право взваливать на их плечи мою беду? Да и чем они помогут мне, находясь где-то на другом конце света? Затем я снова погрузился в тягостные думы, из которых меня вывел окрик крановщика.

–Эй, приятель, – крикнул. – Это ты что ли угодил в колодец?

–Да, именно я. Вы приехали вытаскивать меня?

–Точно. Что-то мне не нравится твой колодец. Не знаю, получится ли что-нибудь.

Эти слова повергли меня в ужас. Я именно уже начинал догадываться, что ничего не получится. Какое-то тягостное и мерзкое предчувствие охватило меня.

Крановщик ухмыльнулся наверху.

–А ты молодец. Напился вчера небось в стельку, а?

–Что вы, что вы, я можно сказать почти не пью.

–Сказать всё можно. Знаем мы всё прекрасно. Известно, как попадают в такие переделки. Я, скажу тебе по секрету, парень, один раз я сам слямзился в колодец.

Я ощутил прилив теплого, почти братского чувства к крановщику.

–Вы действительно побывали в колодце?

–Да, пришлось. Так ведь я и не скрываю – напился хорошенько, ну вот вам и результат. Да и тебе тоже не советую скрывать. Это производит неприятное впечатление. Настраи-

ивает на недружелюбный лад. Я должен составить акт. А что же я напишу – что ты угодил в колодец по чистой случайности? Кто же этому поверит? Теория вероятностей не на твоей стороне, парень. Есть такая штука – теория вероятностей, знаешь?

– Да, я математик, знаю. Но ведь теория вероятностей как раз и допускает различного рода случайности, говорит, что нет ни одного в принципе невозможного события.

– У меня нет возможности разбираться в тонкостях. Если хочешь знать, трезвому человеку даже при всём желании почти невозможно угодить в колодец. На колодцы набредают только пьяные, и тогда власти закрывают обнаруженный таким образом колодец. Так что признавайся лучше. Вреда от этого тебе не будет. Мы подходим к человеку с гуманной точки зрения, мы знаем все его слабости и пороки и прощаем их, – он ухмыльнулся.

– Мне действительно не в чем признаваться, – твёрдо сказал я. – Я вчера был трезв, как стёклышко.

– Тяжело с тобой, – вздохнул крановщик. – Ну как ты не поймёшь, что считается само собой разумеющимся, что если человек попал в колодец, то был пьян. У меня даже бланки актов стандартные, не могу же я вычеркнуть отпечатанные на машине слова: “Причина – сильная степень опьянения”. Да и что с тобой случится? Пошлют бумагу на работу, высмеют в стенгазете, только и всего. Ну, как доходит наконец?

– Там были и другие бланки! – Я резко помотал головой,

потому что к горлу подступил комок. Я никогда не предполагал, что запасы моего мужества так незначительны. Всего несколько часов в колодце сделали из меня какую-то размазню. Наверное, проклятые пиявки подточили мои силы!

Крановщик свесил ноги в колодец и закурил.

–Ну, ты подумай, – сказал он. – А в мои обязанности входит ещё прочитать тебе назидательную лекцию. Слушай. Эти колодцы – тяжёлое наследие прошлого, от которого мы пока не в силах избавиться, хотя с ними ведётся непрерывная борьба. Они остались от времён, когда водопровода не было, и приходилось добывать воду разными способами. В настоящее время они утратили своё значение, став лишь ловушкой для типов вроде тебя.

–И вас, – не удержался я.

–Ну вот видишь, какой ты, – развёл руками крановщик. – Я ведь открыл тебе свою тайну по секрету, а ты уже спешишь воспользоваться этим, чтобы уязвить меня.

Слова его были не лишены справедливости, и я извинился.

–Так-то лучше. Какая же следует из вышеизложенного мораль? Мораль – не напивайся аки свинья, ибо угодишь в колодец. Всё. Ну как, подписываешь акт?

Я молчал. Между тем наверху, по-видимому, собралась толпа зевак. Завязалось отвлечённое обсуждение моего положения. Словоохотливый крановщик принимал в нём деятельное участие. До меня доносились реплики:

–Что такое, что случилось?

–Да вот, какой-то пьянчуга угодил в колодец и не хочет сознаться, что был пьян.

–Что вы, совестливый. Все они совестливые с похмелья.

–Отродье несчастное. Надо их, как попал в колодец, прямо там и засыпать, чтоб другим неповадно было.

–Посмотри, сыночек, на дяденьку. Видишь, до какой беды доводит пьянство. Когда вырастешь, в рот не бери этой гадости.

–Молчит, гадюка.

–Стыдно, небось. А от жены и детишек рубль отрывать не стыдно.

–Мама, а он не хочет вылезать оттуда?

Какой-то особенно ретивый гражданин плюнул в меня. Вслед за тем я почувствовал целый град плевков, и полетели тухлые яйца. Я несколько удивился – откуда они так быстро нашли эти яйца? Всю эту мерзость мне пришлось смывать ещё более мерзкой водой. Отмечу, как факт, что процедуру оплёвывания я переносил со стойкостью, гораздо ниже средней. Меня преследовало желание погрузиться в воду с головой, но отвращение было слишком сильным.

К счастью, крановщик по-видимому решил, что с меня достаточно и быстро разогнал толпу.

–Ну, как самочувствие? – крикнул он.

Я молчал, глотая слёзы.

Он, кажется, начал злиться.

–Что за идиот попался! Надоел ты мне, парень. Ну ладно. Сиди. Я поеду. Предадим дело забвению. Ты не падал в колодец, не вызывал кран, и акта никакого составлять не будем. Согласен?

–Вытащите меня отсюда! – взмолился я.

Он принялся насвистывать какой-то идиотский мотивчик.

–Это правда, что у меня будет отметка в паспорте? – вдруг спросил я, хотя ни о чём подобном никогда не слышал. И, как это ни странно, я отгадал.

–Ну, да, – неохотно сказал крановщик. – Поставят штемпель. Но ты потом можешь переменить фамилию и взять новый паспорт. Обычная вещь.

–Слушайте, – сказал я. – Я действительно вчера напился пьяным и упал в колодец из-за этого. Я согласен подписать акт и сделать всё, что вы хотите.

–Долго же ты решался, – сказал крановщик. – Подошло время обедать. Я уезжаю, приеду через час. Сам понимаешь: желудок нужно уважать. Знаешь, что бывает от нерегулярного питания? Кроме того, я должен соблюдать предписанный мне регламент. Ведь я не частное лицо.

И он уехал. Я снова написал письма своим знакомым. В них я сообщал, что в городе стоит восхитительная погода, что из столицы приехал знаменитый театр, и я каждый вечер хожу на спектакли, доставая билеты через одну свою хорошую знакомую. Для чего-то я намекнул, что вскоре, по-види-

тому, она станет для меня более чем просто хорошей знакомой. Потом ещё я написал, что начальство на работе, кажется, думает выдвинуть меня на более высокую должность. А на улице я нашёл лотерейный билет, который по всей видимости, окажется выигранным, ибо по многочисленным рассказам, найденные билеты всегда выигрывают.

В этот день крановщик не приехал.

Письма я хотел отправить в тот же день, но потом справедливо решил, что два подряд письма, в которых сообщается о блестящем положении дел, могут, чего доброго, вызвать подозрения. И вторые письма я отправил только через неделю. Кстати, следует, по-видимому, рассказать, как вообще я устроился, остановившись на этом лишь вкратце. Моим добрым гением стал дворник. Через него я установил связь со своей работой, договорившись, что буду выполнять работу на дому. Зарплата и всё жизненно необходимое шло ко мне через дворника, с которым у меня установились неплохие отношения, вероятно, благодаря тому что половину (причём, надо отдать должное его понятиям о честности, всегда ровно половину) моих доходов получал он.

Крановщик появился через два дня, и это был уже другой крановщик. По национальности он был, кажется, казахом или афганцем. Я, помнится, заснул, прислонившись головой к осклизлым стенам моей обители, и ему пришлось разбудить меня своими криками, которые звучали в колодце, как вопли неведомого животного.

–Извините, – сказал он, когда я очнулся с сердцем, готовым выскочить из груди. – Не хотелось вас будить, но я уже час сижу над вами, и мне стало как-то скучновато. Вы не обижаетесь на меня?

–Нет, – сказал я, откашлявшись.

–И прекрасно. Вы производите на меня впечатление умного и интеллигентного человека. Мне нравятся такие люди, как вы. В вас, понимаете, есть что-то такое, что с первого взгляда заставляет понять – это не какой-нибудь Федя с мыльного завода, а человек, идущий вровень с передовыми благами цивилизации. Я и сам стремлюсь быть вровень. Скажите мне откровенно, какое впечатление я произвожу на вас? Мне очень бы хотелось услышать ваше мнение. Да, забыл представиться. Я ваш новый крановщик.

–А где же старый? – спросил я.

–Видите ли, он отказался заниматься вами. Вы не должны на него обижаться. Это, знаете ли, один из тех людей, которых я имел в виду, говоря – это Федя с мыльного завода. Кроме того, его отчасти можно понять. Он, знаете ли, побывал в колодце, хоть скрывает это от всех. Там он лишился ног. Жена, увидя протезы, бросила его, ну и так далее, сами понимаете.

–Лишился ног?

–Да, довольно обычная история, бывает и хуже. Но вы не хотите ли ответить на мой вопрос?

–На какой?

–Я хотел бы узнать, какое впечатление я произвожу на вас. Признали бы вы во мне одного с вами уровня культуры? И вообще, мне, знаете ли, очень интересно, что думают обо мне другие люди, какой, так сказать, образ рисуется в их голове, когда они видят меня.

–Извините пожалуйста, – сказал я. – Я так сразу не могу сказать ничего определённого.

Он вздохнул

–Значит, я не произвожу сильного впечатления с первого взгляда. Впрочем, что ж? Я, понимаете ли, всегда стремился быть на уровне, но это трудно при современных темпах развития. Образования получить не удалось, так что приходится как-то поспевать. Год назад открыли муху, которая, по-видимому, обладает телепатией, и я узнал об этом только вчера, и то совершенно случайно. Вы, конечно, знаете.

–Честно говоря, нет, – сказал я.

–Как же, как же! Муха называется... забыл, как, живёт в джунглях бразильских лесов, питается, неприятная деталь, экскрементами животных.

Я не знал, что на это сказать, а он ждал моих слов. Я на всякий случай заметил:

–Это естественно для мухи.

–Вы так считаете? Впрочем, верно. Вот что значит образование, широкий взгляд на жизнь. Знаете, беседа с вами доставляет мне большое удовольствие.

–Спасибо, – сказал я.

– Да, да! Культура! – произнёс он в задумчивости. – Вы, должно иметье успех у женщин. Я имею в виду, конечно, умных женщин, с которыми вам, по всей видимости, приходится общаться. Вы, я знаю, работаете в научном учреждении. Завидую вам. Какие должно быть, женщины, работают рядом с вами. – Он умолк и, издав смешок, заметил: – Да и лаборантки тоже, должно быть, а?..

– Да нет, вы право же... – начал было я.

– А генеральный директор – вот, должно быть, гигантская личность. Он сам работает и следит за вами, как вы там работаете?

Мне стало как-то не по себе. Я осмелился сказать:

– Скажите, вас в вашем учреждении не говорили, что делать со мной?

– Да, да. Этим я сейчас и займусь.

Мне была брошена верёвка, а также акт, который я не стал читать, а просто расписался. Опять верёвка ничуть не помогла. Тогда крановщик подал мне шланг. Из шланга дул воздух. Я засунул шланг как можно глубже, к самым своим ногам, и принялся двигать его. Зловонное содержимое колодца наполнилась громким бульканьем. Крановщик наверху что-то орал. После долгих попыток я опять схватился за верёвку и – о радость! – я почувствовал, что двигаюсь наверх. И вправду, после долгих телодвижений, я оказался наверху. Каким я был после долгих дней, проведённых в колодце? Это невозможно описать словами. Одежда моя была

в ужасном состоянии. Один ботинок остался там, в глубине. Брюки и пиджак покрыты страшными пиявками. Они сосали мою кровь прямо через одежду.

– Сейчас мы доставим вас домой, – сказал крановщик.

Я не мог двигаться. Я лежал возле колодца.

Будучи один, крановщик не мог сдвинуть меня. Он стал кричать по сторонам, чтобы кто-то помог ему. Подошёл один человек. Было ясно, что он не справится со мной бесплатно. Он требовал отдачи, и сумма оказалась равной десяти рублям. Я сказал, что согласен, причём оплатить могу лишь когда мы прибудем на квартиру, а сейчас не располагаю такими деньгами.

Крановщик вместе с человеком подхватили меня и поволокли. Я указывал направление. Слава Богу, тут было недалеко.

Мою квартиру я открыл ключом, и провожатые вошли со мной.

Крановщик сказал:

– Мои приключения кончились, – и вышел в дверь.

Человек ждал. Я подполз к шкафчику, достал оттуда десять рублей и отдал ему. Он тоже вышел прочь.

Я остался один. Один! Я подполз к двери умывальной комнаты. Мне предстояло очиститься от грязи и множества многочисленных пиявок.

И поменьше вспоминать о том, что было со мною – о чудовищном, превосходящем всё возможные напасти – о ко-

лодце.

В ИЗБУШКЕ

Маленькая Герда не выдержала этой жизни и умерла. Кай с бабушкой засунули её под нары, и там она лежала, не разлагаясь, потому что в избушке было лишь чуть теплее, чем за её стенами.

А за стенами вопил ветер, и хлопья снега сослепу бились в окошко, затянутое бычьим пузырём; он выгибался и издавал воинствующие стоны. Поутру метель обычно прекращалась и наступала пугающая морозная тишина, в которой далеко разносился треск лопнувшей ветки или хруст снега под лапами одинокого зверя.

Бабушка в этот час будила Кая, сама она давно уже не спала, только лежала на нарах и моргала в темноту, прислушиваясь к грозной симфонии ночной вьюги. Как только лес стихал и в окошко проникал тусклый свет, она ногой толкала Кая – до тех пор, пока он не преставал огрызаться и кричать, и с плачем не вылезал из-под тулупа. Дрожа и утирая замерзавшие на щеках слёзы, он начинал вяло прыгать, потом бросал в печурку остатки топлива, съедал что-нибудь, если было что съесть, запивал кружкой кипятку и выходил в искорёженный морозом лес.

Он собирал пол снегом сучья, шишки, мёрзлые ягоды и таскал свою добычу в избушку. Каждый раз ему приходилось забираться всё дальше. Он возвращался обмороженный

и чуть живой. Как-то раз поднялась вьюга, и он едва нашёл дорогу назад.

А теперь ещё объявились волки. Это была стая из трёх зверей, они пока что не осмеливались броситься на человека. Но с каждым днём силы Кая уходили, и тощие животные показывались всё ближе и смелей. Они отрезали его со стороны избушки, и когда он, взяв в руки палку, с криком пускался в обратный путь, неохотно уступали дорогу.

Кай вваливался в избушку, и о жизни в нём свидетельствовало только колотящееся сердце. Он падал на нары и долго лежал без движения.

Ему было двенадцать лет. Герда не дожила до девяти. Последнее время она совсем зачахла, стала тоненькой и бледной. Она таскала сушёный горох из скудных запасов, и бабушка колотила её. Под Новый год Герда простыла. Два дня она пылала жарким румянцем, потом стала ещё тоньше и белей. Она звала маму и тихо плакала. Глаза её сделались большими и тёмными. Кай плакал над ней; она вдруг схватила его руку, и в жарком шёпоте он расслышал: “Новый год... Торт... Музыка... Чай...” Лицо, её сияло, и Кай тоже вспомнил тот славный Новый год. Но он подумал, что этого, наверное, не было. Это, наверное, был сон. Он всхлипывал и просил: “Не умирай!” А Герда снова плакала и шептал: “Я не хочу умирать”.

Герда прожила ещё ночь, а на следующее утро тихо испустила дух. Теперь она лежала под нарами. Кай боялся загля-

дывать туда, а ночью в крошечной тьме, перед тем как заснуть, сбивался в комочек от тревожного и страшного чувства.

Ночью воцарялась непроглядная темнота. Такой темноты никто не может вообразить. Стонал дом, старуха пялила глаза в черноту, пока не перестанут мелькать черти, и она на полминуты забывалась в старческом полусне, окружённая неведомыми тенями.

Утром она выталкивала на мороз Кая, и, дождавшись его, варила горстку гороха и ягод. Горстка с каждым днём становилась всё меньше. Бабка топила печь, от присутствия которой становилось не так холодно, а потом целый день что-то делала своими высохшими руками, похожими на куриные лапы. Неизвестно, что она делала, потому что делать было совершенно нечего.

Вечером она разжигала лучину и сидела неподвижно за столом, положив перед собой руки, похожие на куриные лапы. И Кай тоже сидел, неподвижно и молча, и оба они беспрерывно вслушивались в вой метели и стоны старой избушки. Лучина догорала, и снова в избушку вползала из леса холодная и злобная чернота.

Счет времени был давно утерян. Прошлого не было, будущего тоже. Осталось метель, холод и темнота. А под нарами – мертвая Герда.

Как-то утром бабка произнесла первые слова – за много-много дней.

–Надо похоронить Герду, – сказала она. Голос её был глухой.

Они вытащили Герду из-под нар и принялись укладывать на санки. Герда была серая и смёрзшаяся, даже одежда на ней хрустела при движении. В лице её не осталось ничего человеческого; Кай страхом отвернулся от этой безобразной ледяной мумии.

Он привязывал Герду к саням, как вдруг ему почудилось, словно верёвка в его руках дёрнулась и натянулось. Он посмотрел на Герду и оцепенел от ужаса.

Герда силилась встать, её одежда и оледеневшее тело издавали скрежет и хруст. На лице появилось выражение невероятного напряжения и страдания. Смёрзшие веки уже чуть приподнялись, и две горячие слёзы протопили дорожки на серых ледяных щеках. Верёвка не выдерживала, узел медленно разматывался. Из уст Герды вырвался рыдающий стон.

С воплем ужаса Кай схватил узловатый сук и принялся изо всех сил колотить Герду по голове. Она с рыданиями защищалась, пытаясь что-то сказать, но не обретя ещё дар речи. И вдруг этот дар снова осенил её и сквозь рыдания прорвался неясный крик.

–Не бей, не бей! – кричала она

Кай отбросил сук и сам отскочил в сторону, прижавшись к стене и безумным взглядом всматриваясь в лицо сестры. Слёзы растопили ледяную корку, превратив лицо в дряблую бурую маску.

– Не бей, не бей! – рыдала Герда. – За что? Вы хотите закопать меня в землю? Как там холодно! Я не хочу! Мамочка моя, почему я умерла? Я не хочу! Кай, ты каждую ночь залезал под нары, тихонько, чтобы не слышала бабка, и бил меня по голове. За что?

Рыдания Герды постепенно утихали, голос становился невнятным. Она медленно опускалась на сани, продолжая что-то бормотать. В последний момент она вздрогнула и произнесла:

– Братик, за что-ты каждую ночь бил свою маленькую мёртвую Герду по голове?

Больше она не двигалась. Перед Каем на санях лежал маленький безобразный труп, только лицо было оттаявшим и ещё более неприятным.

Кай вдруг бросился на Герду, принялся тормошить её.

– Проснись, проснись! – молил он.

Она не двигалась. А он ощутил лёгкий трупный запах.

Кай опомнился и повернулся к бабке. Та сидела за столом спиной к происходящему.

– Бабушка, что это было? – спросил он тихо.

– Что?

– Герда говорила.

– Тебе почудилось.

Кай долго сидел на полу. Наконец он встал, привязал Герду к саням и потащил их в лес. Когда он вышел за дверь, то сразу понял, что будет выюга. По снегу струились снежные

змеи. Он взглянул на сестру. Лицо её, растаявшее от слёз, быстро стягивала ледяная корка.

Он ушёл далеко от избушки. Земля была твёрдой, и Кай только обморозил пальцы, пытаясь её расковырять. Он присыпал сани снегом и тронулся в обратный путь. Ветер крепчал. А впереди его поджидали волки. В руках у него ничего не было. Пальцы его не слушались. Он подумал и пошёл вперёд. Волки не уступали дорогу. Самый большой из них клацнул зубами.

За стенами избушки снова бушевала метель. Темнело. Старуха сидела за столом, её куриные лапы лежали без движения. Старуха спала с открытыми глазами.

Вдруг дверь слетела с петель, и в комнату ворвался смерч. Старуха вздрогнула и очнулась. По избушке с завыванием гулял снежный столб. Старуха встала и закаркала. Она разучилась смеяться, это карканье было смехом.

—А ведь ты была Снежной Королевой! Поделом тебе, старья карга! Ты поддалась человеческим чувствам. Сердце твоё стало живым. Так получи же своё. Ты умрёшь от холода и снега!

И с этими словами полоумная старуха вышла в крошечный ад ненастной ночи.

В ГОРОДЕ

Себастьян Перейра проснулся первым, и прежде всего проверил, лежит ли ещё под подушкой кольт. Кольт был на месте. Лось дрыхнул на раскладушке, автомат его, снятый с предохранителя, валялся рядом. Перейрой овладело великое искушение; он подошёл к спящему и, взведя курок, прицелился ему в лоб.

Лось проснулся и, к своему счастью, не рванулся к автомату, иначе, конечно, Перейра продырявил бы его.

–Ты чего? – выговорил Лось грудным голосом, не двигаясь с места.

–Шутка, – сказал Перейра и отошёл в сторону.

Лось сейчас же схватил автомат и убедился, что магазин полон. Он пощёлкал предохранителем, погладил воронёное дуло и даже замурлыкал от удовольствия. Это была отличная машина. С её помощью ничего не стоило с расстояний 300 метров разнести вдребезги человеческую голову.

–Я подумал, что ты решил убить меня, – сказал Лось.

–Мы ж друзья, – возразил Перейра.

–Это верно, – согласился Лось, – прикрой меня, я пойду нарублю дров.

Он вышел во двор и принялся рубить дрова. Это занятие ему нравилось. Лось был приземистый и крепкий, у него были могучие ягодицы. Расставив ноги и наклонившись над поленом, он приобретал монументальный вид. Поленья летели во все стороны; не разгибаясь, Лось провожал глазами случайных прохожих, готовый в случае чего схватить автомат.

Наверху в окошке маячил Перейра со своим карабином.

–Ну и могуч же ты, Лось – сказал Перейра, когда Лось вошёл с охапкой дров. – На тебя никто не покушался?

–Отстань, – беззлобно бросил Лось, – надоели твои шуточки.

Они сварили чифирь и молча выпили, предавая друг друга кружку.

–Хорошо иметь друга, – сказал Лось; Перейра скорчил гримасу.

–Когда я работал бетонщиком в Гренландии, – продолжал Лось, – у меня был друг, его звали Жека. От него соседские девушки сходили с ума. Веселый был парень, как скажет что-нибудь, все мрут со смеху. Я правда мало понимал из того, что он заворачивал. А ты на него чем-то похож. Он замёрз пьяный в снегу.

Перейра сплюнул.

–Заткнись-ка, Лось, – сказал он. – На вот лучше кольт, застрелись.

–Зачем? – спросил Лось.

–На всякий случай. На колбасу, – пояснил Перейра.

–Да ну тебя, – сказал Лось. Он принялся собираться в путь-дорогу.

–Себастьян, у тебя есть граната? – спросил он у своего друга.

–У меня одна. Ты куда намаливаешься?

–В баню. Я два месяца не мылся. Весь чешусь, – объяснил

Лось.

–Опупел ты, Лось, – сказал Перейра. – Подожди хоть до вечера.

–И то правда, – сказал Лось.

Он улегся на раскладушку и до самого вечера читал сказки, то и дело порываясь рассказать что-то из прочитанного Перейре. Но Перейра только огрызался на эти его приставаания. Он сидел в углу, уставившись в пол.

–Своими мыслями, – говаривал Перейра, – я могу создать себе великий кайф.

Когда стемнело, Лось встал и, вооружившись, пошел прочь. Было уже совсем темно. Хоть он и смахивал на дурака, как неоднократно замечали все, кого он знал, всё таки он поспешил отойти в сторону от окошка их комнаты. И правильно сделал. Его друг Перейра с карабином в руках ждал, когда ним покажется спина Лося. Спина не появилась, и Себастьян, скрипнув зубами, пошёл в свой угол.

Только что Лось прошёл пару кварталов, как вдруг кто-то со второго этажа выстрелил в него из дробовика. Одна дробишка засела у него в ногу. Лось понял, что всё-таки нарвался на человека, у которого этим вечером было неважное настроение. Он упал на тротуар и дал короткую очередь в подозрительное окно. В комнате что-то ухнуло. Всё-таки автомат был действительно отличной штукой.

Но, наверное, он не угадал окно. Там кто-то крикнул: «Сволочь!» – и как заведенный принялся клацать затвором

и палить в него из трёхлинейки. Лось отполз за угол. В этот момент он пожалел, что у него нет ни гроша, чтобы проехать в броневбусе.

Он вскочил на ноги и, пригибаясь побежал по улице, прочь от взбеленившегося дома. Сзади ухнула граната. Лось бежал чуть боком, поворачиваясь к окнам передом, так как броневфартук прикрывал лишь его грудь и живот.

Бухая сапогами, он ворвался в подворотню и до смерти напугал какого-то деда. Тот со страху не мог совладать с револьвером. Лось не стал дожидаться, пока он придет в себя. Он огрел его прикладом по голове и обшарил карманы, выудив мятую сигарету. Какая-никакая, а это была добыча; Лось закурил и осмотрел свою ногу.

–Совсем как в Польше, – сказал он.

Так он шутил и подбадривал себя. В других случаях он говорил:

–Глухо, как в танке

Или:

–Щекотно, как под трамваем.

Этим выражениям он научился у Перейры.

Лось похромал дальше. Улиц, с которых доносилась стрельба, он избегал. А пальба усиливалась. Лось не знал, что надвигается антициклон, и все ревматики сходят с ума. Кроме того, повысились цены на бензин, и владельцы машин тоже были отнюдь не в радужном расположении духа.

Какая-то неясная мысль шевельнулась в голове у Лося.

Сначала он не понял причину тревоги, овладевшей им, но через несколько шагов догадался, что идет напрямик к площади Бакунина. Это было ему совсем ни к чему. Там жила Элеонора. Эта Элеонора безумно любила его – так она говорила. У неё, он знал, есть крупнокалиберный пулемёт.

– Не стоит мне Элеонора, попадаться тебе на глаза, – сказал Лось и свернул в первый попавшийся проулок.

Над головой у него просвистел противотанковый снаряд. В конце проулка стояла пушка. Это был китайский квартал. Расчет пушки состоял из четырех подростков китайцев. Командовал ими старый Ли Сунь.

Волей-неволей Лось выполз обратно на ту же улицу. Еще один снаряд с визгом ворвался в чье-то окно.

– Это возмутительно! – крикнула какая-то женщина. – Куда смотрит милиция?

Но милиция знала своё дело. Вот уже в проулок с рёвом въехал танк, там что-то грохнуло, рухнул один дом и всё стихло. Так погиб старый мудрый Ли Сунь, который вместе с Лосем был в Гренландии и заработал там страшный артрит. Он прозвал Лося Лосем. Лосями он называл всех, кто ему очень не нравился. Все люди, кроме некоторых китайцев, были для него лосями.

В проулке разгорался пожар. Лось поплёлся дальше, всё ближе подходя к площади Бакунина. В одной из подворотен стоял полуодетый и смеялся. Завидев Лося, он крикнул:

– Иди сюда!

Лось подошёл, и он спросил:

–Ты чего меня не убиваешь?

–Неохота патроны тратить, – сказал Лось.

–Правильно! – обрадовался полуодетый. – Давай дружить.

–У меня уже есть друг, Себастьян Перейра, – ответил

Лось.

–А, – сказал полуодетый. – А я сегодня весёлый. Я жинку ухлопал. Слушай, ухлопай ты эту Перейру, и давай дружить.

–Нет, мне Себастьян нравится.

–Ухлопает он тебя, – сказал пьяный.

–Как бы тебя кто-нибудь не ухлопал.

–Я сегодня весёлый, – сказал пьяный.

Лось пошёл дальше. Как скоро он вышел к площади Бакунина, то остановился в раздумье. Надо надеяться, Элеонора спит, сказал он себе. И с этой надеждой побежал через площадь. Где-то отворилось окно, и он услышал взвизг, прорезавший ночь.

–Лось! – вопила Элеонора. Он услышал, как щелкнул затвор пулемёта.

Вслед за тем пулемёт могуче загрохотал и по площади заметались трассирующие пули.

–Лось, Лось! – вопила Элеонора в экстазе. – Любовь моя!

Лось бросался на булыжник, подымался снова, прыгал, падал. Пули с пением порхали вокруг него. Одна пуля отхватила ему кусочек уха. Он все же добежал до конца площади и мешком упал за угол. Очереди прекратились.

– Лось! – кричала несчастная Элеонора. – Вернись, любимый!

Она выскочила из окна и с плачем побежала к нему. Лось перевёл автомат на огонь очередями и стал поджидать её, прижимая изуродованное ухо. Элеонора подбежала и с рыданием обняла его.

– Лось, любимый! – кричала она.

– Ты мне оттяпала пол-уха, – сказал Лось.

Элеонора принялась целовать его ухо.

– Лосик, милый, я не знаю, что со мной делается, когда я вижу тебя. Ты самый хороший на свете, самый добрый, хоть у тебя чугун вместо мозгов. Пойдем ко мне, мне так недостает тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.